

В. Л. ВАСИЛЬЕВ

ВРЁВ И УРЁВ (ЭТИМОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА, АРЕАЛ)*

В настоящей статье предлагается комплексный анализ ряда топонимов и народных географических терминов, имевших единые истоки, но заметно разошедшихся в процессе исторического развития. Здесь, видимо, один из тех случаев, когда данные исторической лексикологии и исторической ономастики, будучи максимально полезными друг другу, приводят к взаимному обогащению выводов.

Географические названия с основой *Врев-/Врѣв-*, преимущественно гидронимические, в немалом количестве зафиксированы на Русском Северо-Западе. Приведу имеющийся у меня топонимический материал. В окрестностях города Луга Ленинградской обл. находится крупное оз. *Врёво*, указанное еще новгородской писцовой книгой 1498 г.: «Д. Бродъ на *Вревѣ* озерѣ», Дремяцкий погост Шелонской пятины [НПК IV: 133], а рядом с ним, в Петровском погосте, д. *Врѣво* [НПК V: 26]. Неподалеку от этого озера есть рч. *Врѣвка*, или, по гидронимическому собранию Д. Ф. Шанько [Шан. РЛЮ: 180], — *Веревка*, л. пр. Луги. Речка *Врёвка* связана с оз. *Врёво* гидрографически, хотя и опосредованно, через цепь других водоемов: оз. *Врёво* по протоке Быстрица стекает в оз. Черемнецкое, имеющее сток по протоке Ропотка в оз. Большое Толони, из которого начинается рч. *Врѣвка*. Следовательно, и названия водоемов могут быть соотносительны, причем *Врѣвка* допустимо трактовать как результат вторичной номинации по лимнониму *Врёво*. Кроме того, есть еще одна рч. *Вревка*, впадающая в оз. *Врёво* [Там же: 189], название которой опять же объяснимо лимнонимом.

Другое оз. *Врёво* лежит в бассейне Ловати, к югу от города Холм. На северном его берегу стоит д. *Врёво* (Торопецкий р-н Тверской обл.), из озера вытекает речка, носящая производное от лимнонима название *Вревица*, или, по данным [Шан. РЛЮ: 144], — *Ревца*, п. пр. Сережи, п. пр. Куньи, п. пр. Ловати. В материалах писцового описания Торопецкой земли 1540/41 г. в этой местности значится селище *Врево* Казаринской волости [ПКНЗ 4: 594; Янин 1998: 194, 196].

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-08-0283а.

Рч. *Ревка*, л. пр. Уды, п. пр. Сороти, п. пр. Великой, в средневековый период называлась *Вревка*: писцовая книга по Пусторжевской земле 1583 г. отмечает дд. Горка, Крутошка, Грани, Костоломово на р. Вревке [Янин 1998: 144, 146], хотя современный атлас Псковской обл. указывает эти пункты (дд. Большая Горка, Малая Горка, Крутошки, Грани, Костолом) на рч. Ревке.

На рч. Белке, п. пр. Шелони, стоит д. *Врёво* Дновского р-на Псковской обл., по спискам селений 1885 г. (сведения 1872—1877 гг.), она числилась в Бельской волости Порховского уезда [СНМРИ 34: № 10968]. В Порховском же уезде бывшей Псковской губ. была еще одна д. *Вревка*, иначе — *Релка*, при колодце в Лихачевской волости [Там же: № 10994]. Иных исторических сведений об этих пунктах, к сожалению, не найдено.

Из рассматриваемой топонимии, конечно, наибольшую историческую известность приобрело название древнего города *Врев* к югу от Пскова. Город и его жители, *вревичи*, отмечен под 1426 г. в 1-й и 2-й Псковских летописях [ПСРЛ IV: 204; ПСРЛ V: 25], в списке древнерусских городов, созданном в конце XIV в., отнесен к числу Залесских [ПСРЛ VII: 241]. По данным псковских писцовых книг 1585—1587 гг., в XVI в. Врев считался уже городищем, не имевшим наместничьего двора, являлся одним из псковских «пригородов», значился центром Вревского уезда [Янин 1998: 127—128; ПОС 5: 37]. Расположен у оз. *Вревское* и рч. *Вревка*, о которых письменность сообщает с конца XVI в., см. [ПОС 5: 37]. Сегодня на месте древнего города осталась д. *Врёв* (Островский р-н Псковской обл.) рядом с рч. *Врёвка*, п. пр. Великой, в источниках XIX — начала XX вв. речка именовалась еще *Веревка* [Шан. РЛЛО: 201].

Средневековая письменность фиксирует еще несколько топонимов на *Врев-*, о которых современных сведений не найдено. Д. *Вревка* на р. Луге числилась в Дмитриевском Городенском погосте Водской пятины под 1500, 1539/40, 1582 гг., а Экономические примечания к плану Лужского уезда Санкт-Петербургской губ. отмечают на месте этой деревни пустошь *Вревка*, см. [Селин 2003: 159, табл. 13]. Д. *Врева* отмечена под 1539 г. в Бельском погосте Шелонской пятины [НПК IV: 418], под 1576 г. в этом же погосте указаны д. *Врево* (*Врева*), д. «во *Вреве*» и починок *Вревка* [НПК V: 625, 626, 628, 632].

Таким образом, перечисленные названия имеют отчетливо выраженное региональное распространение: они концентрируются в бассейнах рек Луги, Плюсы, Великой, Шелони и Ловати, исторически — во владениях древних Пскова, Новгорода и Торопца. Эти названия, архаичность и непродуктивность которых не вызывает сомнений, уже привлекали внимание исследователей.

А. А. Зализняк допускает возможность этимологического отождествления извлеченной из НПК топонимии *Врево*, *Врева*, *Вревка*, с одной стороны, и *Веревка*, *Веревкино*, с другой. Названия на *Врев-* можно, по этой гипотезе, связать со славянским обозначением *веревки*, если предположить

отражение ими специфически древненовгородского рефлекса типа *TroT* [Зализняк 2004: 52]. В соответствии с данным рефлексом основа исходного слова **вьрв-* (др.-рус. *вьрвь*) приобрела бы облик **врѣв-* и затем *Врев-*, тогда как в общерусском использовании закрепился рефлекс «второго полногласия»: **вьрв-* > **вьръв-* > *верев-*, *Верев-*. В. Н. Топоров, обращаясь к псковским топонимам *Вревка*, *Врев*, предполагает в них балтизм (из балт. **Virv-*) и сравнивает с литовскими названиями рек *Virvytė*, *Virvyčią*, *Virva*, д. *Virvagaliai*, латгальскими *Virvelas*, *Virvjali*, *Verliškas*, *Вевели* и др. [Топоров 2001: 17]. Следовательно, объяснение Топорова тоже исходит из обозначения веревки, но уже на балтийской языковой почве, поскольку приведенные им примеры легко трактуются по связи с лит. *virvė*, лтш. *virve* ‘веревка’ (близкородственными, кстати говоря, слав. **вьръвь*).

Иначе думает В. П. Нерознак по поводу названия древнепсковского города *Врев*: «Вероятно, от др.-рус. *врѣти*, *врѣти* ‘кипеть’», не вдаваясь в детали более полного и тщательного обоснования этой идеи [Нерознак 1983: 50], как выяснилось впоследствии, весьма перспективной. Из такой же мысли исходит С. Е. Мельников, краевед, журналист, автор популярной книги о псковских географических названиях, который пишет об имени селения *Врев* следующее: «“Врев” — ключ-кипун, родник. “Вреть” по-древнерусски значит кипеть» [Мельников 1984: 40]. Впоследствии А. М. Мурзаев, повторяя Мельникова, в своем словаре географических терминов ошибочно дает псковский термин *врев* ‘ключ, кипун, родник’ [Мурз. СНГТ 1: 138]. В авторитетных собраниях диалектной лексики Русского Северо-Запада (ПОС, НОС, СРНГ, СРГК и др.) такого слова, однако, не найти, псковские и новгородские говоры его, по-видимому, не знают. Очевидно, мы встречаемся здесь с изобретением нового диалектного слова, ставшего результатом «кабинетной апеллятивизации» — восприятия географического названия в качестве географического термина.

Мнение о топооснове *Врев-* как о балтизме сомнительно уже хотя бы потому, что балтизмы ожидаемы либо единично, либо спорадически в разрозненных точках значительного балтийского этноисторического пространства в Восточной Европе; здесь же мы видим систематическую совокупность фактов ограниченного псковско-новгородского ареала. Фонетический аспект тоже уязвим: преобразование *Врев-* из балт. **Virv-* на славянской почве нерегулярно и требует допущения. Трудно согласиться также с мыслью о становлении топоосновы *Врев-* из др.-рус. *вьрв-*: остается открытым вопрос, почему в рассматриваемом случае особый древненовгородский фонетический процесс отразился только в топонимии, тогда как нет ни одного примера проявления его в исходных апеллятивах-мотиваторах; более того, в одной из новгородских грамот на бересте (№ 133, начало 80-х гг. XIV в.) мы находим словоформу «*вѣрвки*» [Зализняк 2004: 599] в привычном полногласном облике.

Впрочем, мотивационную связь топонимии на *Врев-* с обозначением веревки отрицать нельзя, судя по вариантности названий *Врѣвка/Верѣвка*

применительно к речкам бассейнов Луги и Великой, см. выше. Но связь эту следует признать не этимологической, а «народно-этимологической», поскольку вариант *Верёвка* в обоих случаях — это побочное приращение позднего времени на фоне издревле зафиксированного главного варианта *Врёвка*. Сближение со словом *верёвка* выглядит естественным не только благодаря фонетическому сходству, но и потому, что на Русском Северо-Западе с обозначением веревки действительно могут быть метафорически связаны отдельные гидронимы и ойконимы, как, например, в случае с рч. *Бёревка*, л. пр. Ижоры, л. пр. Невы, у берегов которой стоят дд. *Большое Бёрево*, *Малое Бёрево*, ж.-д. ст. *Бёрево* Гатчинского р-на Ленинградской обл., ср. диал. *бёрево* — то же, что *бёрва* ‘толстая просмоленная нитка; дратва, веревка’ [СРНГ 4: 123, 126]. Ср. еще рч. *Верёвка*, впадающая в оз. Боручье бассейна Мсты (Окуловский р-н Новгородской обл.), притом, что есть название р. *Оборля* бассейна Ловати (Холмский р-н Новгородской обл.), соотносимое с диал. *обора*, *оборка* ‘завязка, веревка’.

Если обратиться к этимологии топоосновы *Врев-/Връв-*, то следует вести речь о древнем географическом термине, который появился и функционировал в раннеславянских говорах будущих Псковской и Новгородской земель (в западной части последней) и был закреплён в качестве топонимов, чаще гидронимов, на данной территории. Этот диалектный термин я вижу образованием от др.-рус. *вьръти*, *вьрю* ‘кипеть’, ‘бурлить’, ‘колебаться’ [Срезн. МСДРЯ I: 321; СлРЯ XI—XVII 3: 110; СДРЯ XI—XIV 2: 271]. Детали деривации, впрочем, не очевидны, есть две возможности объяснения. Если ориентироваться на вариант топоосновы *Врев-*, обычно фиксируемый в исторической документации, то можно вести речь о редком архаическом образовании с суффиксом *-ев-* (< *-ов-*) от основы настоящего времени глагола *вьръти*. Структурно-словообразовательным аналогом видится здесь др.-рус. *дешевъ*, рус. *дешевый*, возводимое к глаголу *десити*, *дешю*, ср. ст.-слав. *десити*, *дешж* ‘находить, встречать’, сербохорв. *удесити* ‘направить, наладить’ и др. [Фасм. ЭСРЯ I: 505, 509; Черн. ИЭССРЯ I: 247—246]. Если же иметь в виду единично представленное *Връво* в писцовой книге 1498 г., то появляются основания говорить о присоединении суффикса *-в-* к основе прошедшего времени на *-ѣ* исходного глагола. В пользу этой версии свидетельствует наличие польск. *wrzawa* ‘шум, гам, суматоха’, чеш. *vřava*, болг. *врява*, сербохорв. *vřeva* ‘давка, сутолока’, макед. *вријавец* ‘толкучка, давка’, на основе которых была реконструирована структура **vřěva* как производное от **vřěti* [Vaillant 1974: 716]. Современные формы рассматриваемой топонимии, как и средневековые, тоже показывают двойственность огласовки: ср. приведенные выше *Врёво* оз. и *Врёвка* р. Лужского р-на, *Врёво* д. Дновского р-на, *Врёв* д. Островского р-на, соответствующие топооснове *Врев-* писцовых книг, наряду с *Врёво* д. и оз. Торопецкого р-на в соответствии со средневековой *Връво*. В сущности, опираясь прежде всего на указанные западно- и южнославянские факты, можно предположить, что и на псковско-новгородской территории

первоначальной все же была топооснова *Врѣв-* (< **врѣв-*), но эта топооснова очень рано, в большинстве случаев до XVI в., претерпела изменение вокализма *ѣ > е*.

Это прилагательное архаического типа, первоначально имевшее тесную связь с мотивирующим глаголом *врѣти* ‘кипеть’, ‘бурлить’, очевидно, обозначало в раннеславянских говорах Русского Северо-Запада, в отличие от других регионов Славии, качество места с омутом, водоворотом в водоеме или любого места, где клокочет, бурлит вода. На исконное адъективное качество топоосновы намекает и такая морфологическая ее особенность, как мена флексий по роду опорного термина, проявленная топонимией: город ~ *Врев*, озеро ~ *Врево*, деревня ~ *Врева*. Номинации омутов, водоворотов, источников на базе праслав. **vrěti* вообще достаточно регулярны (ср. праслав. **virь*, различные продолжения которого знают все группы славян, сербохорв. *vrело*, словен. *vrélec*, др.-рус. *в(ь)рутьць*, рус.-цслав. *врѣтъкъ* и т.п., см. материал из [Толстой 1969: 212—213; Срезн. МСДРЯ I: 315; Васильев 2001: 123—128; Фасм. ЭСРЯ I: 318, 362]), в рамках этой номинативной модели водные термины с основой **врѣв-* (> *Врѣв-/Врев-*) выглядят лишь структурно-словообразовательной инновацией ранних славян псковско-новгородского ареала. Древнерусский облик топоосновы с редуцированным гласным средневековая письменность не сохранила не только потому, что соответствующие топонимы впервые фиксируются лишь в XV в., но, очевидно, и по той причине, что данная топооснова еще в древнерусскую эпоху потеряла мотивационную связь с глаголом кипения, клокотания *врѣти*, который, как представляется, рано утратил функционирование в русском языке и сегодня в русских говорах проявляется минимально, разрозненно и с иными значениями: диал. *вреть*, *врею* ‘принимать, приставать’ (Черепов. Новг., 1910), ‘сильно потеть’ (Севск. Орл.) [СРНГ 5: 193].

Вместе с тем обнаруживается, что продолжения древнего псковско-новгородского прилагательного на **врѣв-* не ограничиваются лишь совокупностью перечисленных топонимов. Потерявший смысловую связь с производящим глаголом, подвергшийся субстантивации, переживший фонетические трансформации, исходный адъектив продолжаетеся в ряде народных географических терминов. Основную группу этих терминов составляют лексемы с начальным у: *урѣв* новг. ‘круча’ (Дем.) [НОС 11: 96], ‘пучина, вязкое место’ («Глубокая лужа, там и лес, там спускаешься, там и пучина, вязкое место», д. Каменка, Демянский р-н) [А, 1994], твер. ‘место слияния двух рек’ (Селижаровский р-н) [ТвК], ‘обрыв, овраг’ («Обрывы раньше звались урѣвы», Ржевский р-н) [ОСГКО: 270], моск. ‘место слияния двух речек или впадения реки в озеро’ (Загорский р-н) [Ив. СГП: 519], влад.-пересл. ‘место слияния двух ручьев, речек’, южн. ‘множество’, ‘гибель, пропасть, бездна’ [Даль СЖВЯ 4: 507], *урѣв* ‘глубокий и большой овраг’ (д. Сухая Орча Молодотудский р-н, записи 1937—1940-х гг.), арх. ‘обрыв’ (с. Усьянско-Дмитриевское, Сев.-Двин., 1928 г.) [КСРНГ], забай-

кальск. 'глубокое место около берега' [Эл. СРГЗ: 428]. Сюда же еще твер. *урёво* 'овраг' («так раньше звали», д. Нежники, Осташковский р-н) [КСРНГ], твер. *урёвый берег* 'крутой берег' (Осташковский р-н) [ТвК]. Данная терминология известна и в топонимическом преломлении: д. *Урэвы* Осташковского р-на Тверской обл., *Урёв* как название урочища (базы отдыха) на северном берегу Плещеева оз. в Переславском р-не Ярославской обл.

Анлаутный *у* в перечисленной терминологии и топонимии — результат лексикализации фонетического процесса *в > у* в позиции начала слова перед согласным: *урёв-*, *урёв-* < *врєв-/врѣв-*. Процесс вокализации губного *в* характеризует говоры юга Псковской обл. (не севернее Опочки, Новоржева, Холма), запада Тверской обл. (не восточнее Осташкова, Ржева), всей Смоленской обл. и отчасти говоры более южных регионов, см. [ДАРЯ I: карта 57]. Таким образом, географические термины с основой *урёв-*, *урєв-* возникли там, где на часть древнего лексического ареала *врєв-/врѣв-* (< **врѣв-*) наложился фонетический ареал вокализации начального губного. Пересечение двух ареалов, очевидно, следует отнести к территории распространения современных западнотверских и южнопсковских говоров. Главным образом на этой территории (западная половина Тверской обл. и примыкающий к ней Демянский р-н Новгородской обл.) преимущественно локализуется терминология и топонимия *урёв*, *урёв*, *Урэвы*, *урёво*, *урёвый* (берег). Севернее западнотверского ареала вокализация *в > у* не происходит, и здесь мы встречаем лишь старую топонимию на *Врєв-*, отражающую более ранний облик исходной основы. Кроме того, вне зоны отмеченного анлаутного перехода *в > у*, но рядом с ней, был записан также и соответствующий географический термин с сохраненным начальным звуком *в*: калуж. *врєв* 'овраг' (Мосальский уезд) [СРНГ 5: 193]. Согласный *р* в этом слове отвердел скорее не по фонетической причине, а благодаря контаминации с термином *ров*.

Лексикализация фонетического изменения *в > у* за основой *врєв-/врѣв-* привела к отрыву новообразований на *урёв-*, *урёв-* от топонимизированных форм на *Врѣв-*, *Врєв-*, *Врѣв-*, породила новые географические термины, которые в процессе исторического развития разнеслись далеко за пределы очага своего возникновения и обогатили разнообразие своих значений. С территории современных западнотверских говоров новообразованные термины продвинулись на восток — до восточного Подмосковья, Ярославской и Владимирской обл., спорадически они «всплывают» и в более отдаленных регионах, см. забайкальск. *урёв*¹.

Развитие семантического спектра терминологии *урёв*, *урёв*, *урёво*, *урёвый* (берег) протекало в русле регулярных семасиологических переходов,

¹ К забайкальским материалам из словаря Л. Е. Элиасова, впрочем, следует относиться с разумной осторожностью. Было показано, и вполне убедительно, что часть слов, содержащаяся в этом словаре, была заимствована автором из других источников и превращена в «забайкальские», см. [Ан. ЭСРДС: 17—26; Аникин 2002: 31—46].

на базе основного, исходно-этимологического смысла, заданного значением ‘кипеть, клокотать’ глагола *вьрѣти*. Комплекс значений, проявляемый данными терминами, — ‘круча, обрыв’, ‘пропасть, бездна’, ‘омут, пучина’, ‘глубокое место’, ‘водоворот’, ‘место слияния речек, ручьев (где образуются водовороты)’, ‘топкое, вязкое место’ — вообще характерен для обозначений омутов и водоворотов, ср., к примеру, подобное разнообразие взаимосвязанных значений у терминов *вир*, *омут*, *бук*, *бучало*, *круча* и др. по данным: [Толстой 1969: 100, 212—215; Васильев 1999: 214—226; 2000: 414—427; 2001: 107—113; 118—119; 123—128]. В этом семантическом спектре находит свое объяснение даже значение ‘множество’ у слова *урѣв* из словаря В. И. Даля: оно тоже несомненно предполагает первичное ‘омут’, ср. новг. *до омута* — ‘много’ [НОС 6: 169]. Весьма показателен тот факт, что семасиологическая структура данных терминов в большинстве своих звеньев совпадает со структурой значений термина *вир* и его дериватов, которые в плане словообразования тоже соотносятся с производящим глаголом *вьрѣти*. Помимо основных значений ‘омут’, ‘водоворот’, известны еще укр. диал. *вир* ‘крутой отвесный берег’, ‘глубокая яма’, ‘углубление на месте водоема’, *винок* ‘впадина’, *вир* ‘долина между двумя горами’ [Марусенко 1968: 221, 222], пск. *вир*, *виры* ‘провал в болоте’ [Кузнецов 1915: 12], *вир* ‘холм’, ‘изгиб реки, излучина’, *вирень*, *виренья* ‘глубокое место’, *вирь* ‘пучина, бездна’, *вирина* ‘окно в болоте’, *вировщина* ‘низкое место’ и др. [ПОС 4: 23] (полная сводка значений *вир* вкуче с его производными дана в [Васильев 2001: 123—128]).

В эволюции древней основы *врев-/врѣв-* (< **вьрѣв-*) начальный согласный мог не только вокализироваться в звук *у*, но и вовсе утратиться (вероятно, через произношение губно-губного *w*). Ср. в гидронимии: *Ревка* как вариант *Вревка* в бассейне Великой, *Ревца* как вариант *Вревца* в бассейне Ловати. В терминологии этот процесс утраты иллюстрирует укр. диал. (полесск.) *рэва* ‘омут, водоворот’, а также ‘шум’ [Никончук 1979: 42] (< **вьрѣва*). Укр. *рэва* является отчетливым восточнославянским дополнением к ряду указанных выше западно- и южнославянских слов, обозначающих ‘шум, гам, суматоха, сутолока’ (< **вьрѣва*), важно и то, что оно очевидным образом сопрягает эти обозначения с рассматриваемой гидрографической терминологией и топонимией. Очевидно, к этому же этимологическому гнезду относятся еще *рѣвка* ‘высохшее место посредине реки’ (Устюж. Волог., 1898), *рѣвка* ‘песчаный мыс на реке’ (Шенк. Арх., 1905—1921), *ревка* ‘хвойный бор, сосняк, ельник’ [СРНГ 35: 8] (< **вьрѣвѣка*). В последнем случае обозначение хвойного леса вторично и отсылает к обозначению высокого места, склона (где нередко растет хвойный лес).

Как следует из приведенных данных, лексические факты, как и более старые топонимические, показывают двойственный вокализм: *вров*, *урѣв*, *урѣвый*, *урѣв*, *урѣво*, *рэва*, *рѣвка*, *рѣвка*. Это обстоятельство, во-первых, дополнительно подтверждает генетическое тождество исследуемых топонимов и терминов, сохраняющих общую деталь вокализма, во-вторых, окон-

чательно склоняет к принятию в качестве первичной для всех этих лексем основы **вьръв-*, позволяющей объяснить отсутствие перехода *e > o* в целом ряде случаев. Случаи же отражения гласного *e > ě* (*Врев-*, *вров-*, *урĕв-*, *рĕв-*) объяснимы сближением **вьръв-* с основой *рев-* (> *рĕв*), последняя, кстати говоря, тоже имеет неустойчивый гласный, ср. диал. *рĕва* и *рэва* 'крикун, горлопан, громко разговаривающий человек' [СРНГ 34: 366]. Не только фонетическое сходство послужило основанием для такой контаминации, но и сама близость значений 'шум, гомон' (см. укр. диал. *рэва*, польск. *wrzawa*) и 'рĕв' и пересечение с ними значения 'омут, водоворот' гидрографических терминов, нередко указывающих на шумящие (ревущие) места в водоеме.

При этимологическом анализе топонимии с основой *Врев-*, разумеется, нельзя игнорировать особенности семантической эволюции терминологии на *урĕв-*, *урĕв-*, *рĕв-*, *рĕв-*. Очевидно, не только исходный, заданный глагольной семантикой, признак качества места в водоеме (с омутом, водоворотом или глубокое место) мог лечь в основу топонимической номинации в рассматриваемом случае, но и характерное для терминологии указание на крутой склон, возвышенность, крутой берег водоема. Кое-что в этом плане подсказывают физико-географические особенности самих локусов, к которым прикреплены топонимия: так, оз. *Врĕво* возле города Луга почти на всем протяжении имеет высокие, крутые, иногда обрывистые берега, д. *Врĕво* в Торопецком р-не стоит в живописном месте на крутом берегу одноименного озера, город *Врĕв* к югу от Пскова располагался на высоком крутобоком холме.

В этноисторическом аспекте, обращает на себя внимание, главным образом, то обстоятельство, что очаг формирования исследуемой топонимии и лексики находился там, где обычно помещают северных (псковских) кривичей, с которыми связывают формирование культуры псковских длинных курганов [Седов 1999: 127, 130]. Отсюда появляется мысль о **вьръв-* в значении географических терминов как о севернокривичском диалектизме.

Литература и источники

- А, 1994 — собственные полевые записи автора в 1994 г.
- Ан. ЭСРДС — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2002 — А. Е. Аникин. Еще раз о «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова // Лексический атлас русских народных говоров (Мат-лы и исследования) 1999. СПб., 2002. С. 31—46.
- Васильев 1999 — В. Л. Васильев. Наблюдения над русской гидрографической лексикой (типология названий водоворота) I / Отв. ред. А. Золтан // *Studia Russica XVII*. Budapest, 1999. С. 214—226.

Васильев 2000 — В. Л. В а с и л ь е в. Наблюдения над русской гидрографической лексикой (типология названий водоворота) II / Отв. ред. А. Золтан // *Studia Russica XVIII*. Budapest, 2000. С. 414—427.

Васильев 2001 — В. Л. В а с и л ь е в. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.

Даль СЖВЯ — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Ив. СГП — А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований, СПб).

Кузнецов 1915 — И. Д. К у з н е ц о в. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Пг., 1915.

Марусенко 1968 — Т. А. М а р у с е н к о. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // *Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика)*. М., 1968. С. 206—255.

Мельников 1984 — С. Е. М е л ь н и к о в. О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л., 1984.

Мурз. СНГТ — Э. М. М у р з а е в. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1—2. М., 1999.

Нерознак 1983 — В. П. Н е р о з н а к. Названия древнерусских городов. М., 1983.

Никончук 1979 — М. В. Н и к о н ч у к. Материалы до Лексичного атласу української мови: Правобережне Полісся (Словник). Київ, 1979.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1—12. Новгород, 1992—1995; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.

НПК — Новгородские писцовые книги, изд. императорской Археографической комиссией. Т. I—VI. СПб., 1859—1910.

ОСКО — Т. В. К и р и л л о в а, Н. С. Б о н д а р ч у к, В. П. К у л и к о в а, А. А. Б е л о в а. Опыт словаря говоров Калининской области / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Калинин, 1972.

ПKNЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1—5. М., 1999—2004.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—14. Л., 1967—2004 (издание продолжается).

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СДРЯ XI—XIV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988—2008 (издание продолжается).

Седов 1999 — В. В. С е д о в. Древнерусская народность. М., 1999.

Селин 2003 — А. А. С е л и н. Историческая география Новгородской земли в XVI—XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008 (издание продолжается).

СНМРИ 34 — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 34. Псковская губерния. СПб., 1885.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1—6. СПб., 1994—2005.

Срезн. МСДРЯ — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912; Т. 1—3. М., 1958.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Соколенова. Вып. 1—38. М.; Л., 1965—2004.

ТвК — Картотека Тверского словаря (Селигер) (хранится на филологическом ф-те СПбГУ).

Толстой 1969 — Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.

Топоров 2001 — В. Н. Топоров. К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике (по материалам XIII—XV вв.) // *Res Balticae* 7. Pisa, 2001.

Фасм. ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Черн. ИЭССРЯ — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999.

Шан. РЛЮ — Д. Ф. Шанько. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

Эл. СРГЗ — Л. Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Янин 1998 — В. Л. Янин. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998.

Vaillant 1974 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974.

VALERY VASIL'EV

VR'EV AND UR'EV

(ETYMOLOGY, SEMANTICS, GEOGRAPHIC DISTRIBUTION)

The article presents a detailed analysis of place names and dialectal geographical terms with the stems *врѣв-/врѣв-* and *урѣв-*. These lexemes which are characteristic of the Pskov-Novgorod area are derived from the verb *vrěti* 'boil, seethe'. The author demonstrates the etymological identity of the toponyms *Врев*, *Врево*, *Врѣво* and the terms *Урев*, *Урево* and reconstructs the sources of the phonetic differences between them. Specific characteristics of their derivation, territorial distribution, and semantic evolution are also discussed.

Keywords: toponymy geographical terms Russian Northwest etymology semantics areal distribution.